

УДК 801.161.1'153

## СЛАВЯНО-РУССКАЯ ГИМНОГРАФИЯ: КОНЦЕПТ «СВЯТОСТЬ» В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

*Никифорова С.А.*

*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия*

*В статье проанализированы лексические единицы, характеризующие святую в древнеславянской православной традиции, на материале ранней гимнографии и среднерусской агиографии. Результаты исследования призваны продемонстрировать специфику восприятия женщины-святой в православной культуре*

*Ключевые слова: история русского языка, лексика, православие, гимнография, агиография, святая*

*Постановка проблемы.* Известно, что православный религиозный канон чрезвычайно редко обращается к образу женщины как к предмету повествования о высших ценностях средневекового человека. Однако и христианская традиция в целом, и православная в частности не исключают возможности увидеть в образе женщины не только мать, супругу-сподвижницу, но и праведницу, воительницу, мученицу за веру, благодетельницу. Интересным, на наш взгляд, может стать анализ лексического ряда, характеризующего женщину-святую в текстах древнерусской гимнографии и среднерусской агиографии в силу как языковых, так и жанровых их особенностей. Следует учитывать, что представление о женщине в этих жанрах древней письменности всегда оказывается сопряжено с особым взглядом православного монашества, церкви в целом.

Женская агиология невелика: так, минейные канонические тексты иллюстрируют низкую частотность упоминания святой-женщины в агиологии в целом – например, в новгородской служебной минее на май XI века (Путятиной минее – далее ПМ), привлекаемой нами к анализу, лишь 7 дней отведено памяти мучениц, женщин-святых, 2 из которых восхваляются вкуче с мужьями (это около 8 % чтений) [2, с. 6-7]. Позднее в месяцеслове этот ряд расширяется до 10 мучениц (около 9 % чтений); ср. также данные указателя Полного месяцеслова Востока, где женские имена святых составляют около 9-10 % [3, с. 160-204]. Цель статьи – проанализировать лексические единицы, характеризующие святую в древнеславянской православной традиции, на материале ранней гимнографии и среднерусской агиографии.

Для анализа нами выбраны уже упомянутая новгородская служебная минея на май XI века и несколько небольших по объему и разнообразных по сюжетной организации текстов житий (Жития Ефросинии Суздальской и Софьи Ярославны, Повесть об Ульянии Осорьинной – далее, соответственно, ЖЕС, ЖСЯ, ПУО), привлекаются также контексты из Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского. Минейные и агиографические тексты могут рассматриваться при таком анализе

параллельно, в силу их содержательной близости. Более того, гимнография во многом предвосхитила лексическое наполнение древнерусских житийных текстов, определяя тенденции в формировании набора характеризующих святого / святую синонимов и квазисинонимов.

Базовым принципом анализа языковых единиц в границах заявленной темы, на наш взгляд, должно стать следующее: святая представляется книжнику особой женщиной, образцом, достойным повествования и почитания (условия канонизации как общецерковных, так и местных святых и в католичестве, и в православии достаточно жестки), а значит, ей присваиваются высокие аксиологические характеристики; ее действия понимаются как достойные подражания, но не общепринятые; отказаться же в своем аскетизме женщина должна от того, что присуще «стандартной» (для христианства сниженной по аксиологической шкале) женщине.

1. Определение объема понятийного поля «святость» (в его общем и только «женском»/«мужском» варианте), в частности, может быть проведено через сопоставительный анализ лексем, характеризующих мужчину и женщину – святых. По данным ПМ, характеризующие слова (здесь – прилагательные и субстантиваты) могут быть разделены на две группы: 1) используемые писцом для характеристики и мужчины, и женщины; 2) используемые исключительно для характеристики мужчины или женщины (для нас важен именно этот ряд).

Наиболее показательны при таком подходе выбранные писцом субстантиваты (как имена, называющие и одновременно характеризующие лицо прямо, непосредственно). Среди субстантиватов четко противопоставленными оказались следующие: для наименования лица мужского пола используются – *прѣподобьнь*<sup>2</sup> (*прѣподобьнии*) 13х, *вѣрьнь* (*вѣрьнии*) 52х, *правьдьнии* 4х, *прѣблажень* (*прѣблаженьи*) 25х, *блажень* (*блаженьи*) 17х, *трѣблажень* 2х; для наименования лица женского пола – *прѣчиста* (*прѣчистая*) 24х, *чиста* (*чистая*) 7х, *прѣнепорочьна* (*прѣнепорочья*) 7х (о Богородице), *чьстьная* 6х. Ряд субстантиватов достаточно точно проецируется и на ряд прилагательных, определяющих лицо: так, святая, мученица характеризуется как *Приние всечьстьная*, *Феодосие прѣчьстьная*, *Зое чьстьная*, *Пелагие м(у)ч(ени)це прѣкрасьная*.

Приведенный ряд слов очевидно иллюстрирует главный критерий ценности женщины в церковной иерархии – чистота и непорочность: ПМ – *чиста бысть избрания*. Идеальная женщина в соответствии с церковным канонам должна сохранять плотскую чистоту (ср. высказывание В.В. Колесова об «отвращении монашества от женщины как дарительницы жизни», проходящей через акт грехопадения, нечистоты, и о церковной литературе как источнике образа «злой жены» [1, с. 266-267]). Образцом идеальной женщины становится дева Мария, обращение (церк. «призывание») к которой в гимнографии стало структурно обязательным (см. богородичен, завершающий каждый из содержательных разделов минейного текста): ПМ *раздрѣшена бывши отъ оузъ плътскихъ прѣчистая, из нечѣсты нецесокусамужьны, богородице чиста приснодѣвая, отроковице приснодѣвая*, М1097 *г(осподы)ня рожаница б(ог)а муженеискоуьно рожьшия*, М1097 -- *изъ д(е)в(и)ч(ь)скою и муженеискоуьною бокою* ПМ – (*память Мавры и Тимофея*)

<sup>2</sup> Примеры даются в упрощенном графическом виде

*связаема мученика вся узы вражия мужьскы разрушита и любовьню съерышеною христосовою душу связаста плотьскаго ради отложения всеславная.*

Русская агиография отражает это требование к подвижнице еще ярче: например, значительная часть текста любого «женского» жития посвящена попыткам будущей святой избежать брачных уз (либо в условиях брака – интимных отношений): например, в ПУО – *свѣщастася вкупѣ жити а плотнаго совокупления не имѣти, поживъ с мужемъ 10 лѣт по розлучении плотнемъ*; ЖСЯ – *да отвержется себе сирѣчь своих хотѣнии душепагубныхъ и всякии утѣхы плотския*; ЖЕС – *отрицаешя [брака] блаженная дѣвство красити желающе слышаше бо божественая писания како похваляют дѣвъ телеса чиста богу представляющих.*

2. Чистота плоти, непорочность становятся основанием еще для одного критерия признания женщины святой (мученицей) – *чѣстная*. И.И. Срезневский так определяет круг сем слова *чѣстный* – 'досточтимый, достойный, пользующийся уважением, почтенный, священный', ряд может быть уточнен и расширен в соответствии с производящим *чѣсть* – 'почет, уважение, почитание, чествование, прославление, благоговение, преимущество, достоинство'. Таким образом, в указанных нами контекстных условиях слово *чѣстная* реализует семы 'уважаемая, прославляемая в силу достоинств, соответствующих представлениям о священном' (ср. более позднюю связь лексем с *чѣсть* – с чистотой, девственностью – «лишиться девичьей чести», «обесчестить»).

Критерий святости, представляемый в древнерусском языке словом *чѣстная*, обязателен для канонизации как общего, так и местного святого: признаки святой жизни проявляются в героических добродетелях (таких, которые, превосходя естественные силы человека, стали высшей ступенью совершенства и выделяют их обладателей из ряда обыкновенных праведников). Все добродетели должны быть проявлены многократно, героически, добровольно и с радостью, а главное должна быть общепризнанна вера в святость подвижника (русская церковь чаще всего закрепляла уже сформировавшийся в народе культ святого). И если для святого ряд лексем *прѣподобный, вѣрный, блаженный, правдѣный* четко определяет статус мужчины в иерархии, то для святой характеристика *чѣстная* становится принципиально важной – дополнительным к *чистая, прѣхвальная, прѣславная, прѣмудрая* и окончательным основанием для почитания, включения в святцы.

Таким образом, лексема *чѣстная* выполняет в каноне на память святой ту же определяющую статус женщины функцию, которая в каноне на память святого ложится на специфические лексемы *прѣподобный, вѣрный, правдѣный*.

3. Точкой отсчета в оценке праведности, добродетельности, доблести святой становится мужчина. Сравнение с мужским (но особым, священным) типом поведения в текстах проводится либо прямо – путем введения сравнительного оборота с союзом *яко* (что достаточно редко): ПМ – *пелагия прѣславная яко мужь страсти б(о)жесиею силою поьрала еси*; либо опосредованно – введением производных лексем с первичной производящей основой *мужь* – ПМ – *побѣдила еси брага мужьскою лѣпотою съмыслно, мужьскы прѣславна съмыслно христоса бога вѣхъ ясно исповѣда слово же крѣлько и противныя мученице низложила еси* (память мученицы Ирины), М1096 – *и одѣна въ женьсколѣльное одѣние моужемъслно нетьленою одежею облекостася*.

4. Праведность, добродетель женщины-святой не ценны сами по себе – они стали искуплением первогреха Евы и вменяются мученице в некую обязанность. Именно в

канонах минеи, славящих святых-женщин, писец упоминает Еву (Евгу) и змея-искусителя, тем самым аллюзивно указывая на изначальную вину женщины в изгнании человека из рая. Такие отсылки к персонажам Священной истории становятся «указанием поведенческой парадигмы и вынесением моральной оценки, не подлежащей отмене, нравственного вердикта» [4, с. 619]: например, в ПМ *исправила еси прабабне евъжино отпадение страстот(ь)ръпщце; евъжиноу праматерьну любящи; лъстною прѣльсти мя змиа* (все – память Феодосии); *бесѣдою женскою приложи яко първородьноу старыи злодѣи зми ти не сълага себѣ коварьства хваляся бечисленно* (память Иова).

Более того, с именем Евы оказывается соотнесено в текстах и имя Богородицы: *ядѣ дрѣвле въ оуши еужинѣ излия лукавыи змии ты же отътрѣже богомати гоубителя сего рождыши* (память Пелагии). Контактное расположение лексем во фразе, безусловно, показательно: Ева, с одной стороны, остается праматерью человечества, с другой – источником первогреха, которого чудом удалось избежать Марии.

Отсылки к фактам Священной истории становятся и дополнительным обоснованием права женщины на святость: например, в ЖСЯ выбор Софьей монашеского пути обоснован упоминанием в начале текста житий *преждних святых дѣвъ Феклы Февронии Еупраксии и прочих како презрѣши славу мира сего и свѣта сего прѣлестнаго*; и монастырь Софья ставит *в 17 день на память святыхъ трех дѣвъ Вѣры Любви Надежи и матери ихъ Софии*. Прямая ссылка на признание церковью "женской" святости важна для автора: именно пример канонизированных *дѣвъ* призван привлечь новых подвижниц в женские монастыри, активно развивающиеся в XIV-XVI вв. на северо-востоке Руси. Отсылками к Священной истории пользуются и подвижницы в своих речах к сестрам: в ЖСЯ *блюдитесь сего еже глаголетъ писание мнози от блудницъ дѣвы быша и мнози дѣвство соблюдише прокажены быша*.

*Выводы.* Таким образом, гендерный анализ применим и к фактам древнейшего периода развития языковой системы. Сопоставление даже строго канонических контекстов, отражающих представления о женщине и мужчине, говорит о попытке древнерусского автора четко определить и закрепить в высказывании реальные отношения в мире и к миру.

Словообразовательный анализ семантически параллельных дериватов позволил во многом уточнить значение исходных единиц и выявить возможности модификационных сдвигов семантики в структуре слов одного понятийного поля. Сопоставление таких полей, отраженных в разножанровых древнейших текстах, может привести к иному, отличному от сегодняшнего, взгляду на системные отношения в древнерусском лексиконе. Слово в определенном контексте (а контекстное окружение определяется в древности в первую очередь жанром) способно выстраивать разнообразные понятийные (аллюзивные) связи, соотнося текст с внетекстовой действительностью разных уровней.

### Список литературы

1. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 2001. – 304 с. – (Филология и культура).
2. Новгородская служебная минея на мѣи (Путятина минея). XI в.: Текст, исследования, указатели - Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2003. – 788 с.

**СЛАВЯНО-РУССКАЯ ГИМНОГРАФИЯ: КОНЦЕПТ «СВЯТОСТЬ» В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ**

3. Полный месяцеслов Востока (в трех томах). Т. 3. Святой Восток (части 2,3). – Владимир, 1901. – 701 с.
4. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.) – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 864 с.
5. ПМ – Новгородская служебная минея на май (Путятина минея). XI в.: Текст, исследования, указатели. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет". 2003. 788 с.
6. ЖЕС – Житие Ефросинии Суздальской XVI в. // Клосс Б.М. Избранные труды. Г. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 488 с. – (Язык. Семиотика. Культура) – С: 377-404.
7. ЖСЯ – Житие Софьи Ярославны XV в. // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 488 с. – (Язык Семиотика. Культура) – С. 203-206.
8. ПУО – Повесть об Ульянии Осорьинной XVII в. (Житие Юлиании Лазаревской) XVII в. // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М.: Худож. лит., 1988. – 704 с. – 98-104.
9. М1096 – Новгородская служебная минея 1096 г.
10. М1097 – Новгородская служебная минея 1097 г.

**Нікіфорова С.О. СЛОВ'ЯНО-РОСІЙСЬКА ГІМНОГРАФІЯ: КОНЦЕПТ "СВЯТІСТЬ" У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ**

*У статті проаналізовані лексичні одиниці, що характеризують святу у давньослов'янській православній традиції.*

*Ключові слов: історія російської мови, лексика, православ'я, свята*

**Nikiforova S.A. SLAVONIC RELIGIOUS HYMNS: CONCEPT "SANCTITY" IN THE LIGHT OF GENDER**

*In article are analysed the lexical units, characterizing holy women in old Slavonic orthodox tradition, on material of early religious hymns and hagiography. The Results of study is called demonstrate specifics of perception of holy women in orthodox culture.*

*Key words: The History of russian language lexicon, orthodoxy, religious hymns, hagiography, holy women*

*Поступила в редакцію 23.03.2007 г.*